

Современная рыночная экономика

Преходящая болезнь или системный кризис?

В многочисленных публикациях, появившихся после начала мирового финансово-экономического кризиса в 2008 году и последовавшего за ним периода стагнации, или замедленного развития развитой части мира, главной проблемой является оценка влияния этих процессов на последующее глобальное развитие, выявление основных черт нового периода, а также поиск ответа на коренной вопрос: не означают ли эти процессы вступление мировой рыночной системы в завершающую стадию своего роста, в стадию исчерпания потенциала своего дальнейшего развития как определенной социально-экономической системы?

В любом случае стало очевидным, что новый послекризисный период мирового развития будет существенно отличаться от предшествовавшей картины; а какой будет эта картина в дальнейшем — не очень ясно. Можно констатировать, что пока в подавляющем большинстве оценок перспектив экономического развития мира, прежде всего его развитой части, доминирует весьма сдержанный, если не сказать пессимистический, подход. Ожидается, что по крайней мере до конца текущего десятилетия, а скорее всего — еще дольше, общие темпы роста в Европе, США и Японии будут более чем скромными: 2—2,5 процента в год с периодами кризисного падения производства. Положение в развивающихся странах, прежде всего в локомотивах роста — Китае, Индии, Бразилии, ожидается существенно более благоприятным: 4—6 процентов среднегодового роста ВВП. Соответственно упадут и темпы развития мировой торговли и экспорта производительного капитала.

В качестве главных источников этих оценок выступают международные организации, многие ведущие экономисты и политики¹. Это, конечно, авторитетные источники, но в большинстве оценок очевиден недостаток аналитического объяснения новых механизмов развития, от которых и будут зависеть результаты. Объяснения, как правило, частичные и не всегда убе-

БЕЛЬЧУК Александр Иванович — профессор Всероссийской академии внешней торговли, доктор экономических наук.

¹ См. соответствующие публикации МВФ, Всемирного банка, штаб-квартиры ООН, ЮНКТАД, региональных экономических комиссий ООН за 2008—2010 годы.

Ключевые слова: секюритизация, «семья ООН», кредитная экспансия, технологический уклад, общество потребления, демонстрационный эффект, «партийное государство».

дительные. Пока доминируют ссылки на авторитеты, а не аналитический подход.

Важной в общих течениях экономической жизни является позиция международных экономических организаций «семейства ООН» — в особенности МВФ, Всемирного банка, региональных экономических комиссий, ЮНКТАД. Позиции этих организаций совпадают не по всем вопросам, тем не менее имеется определенная общая основа, которая разделяется в большей или меньшей степени большинством межправительственных организаций. Как общая исходная позиция все согласны с положением, что в основе сложившейся ситуации лежит глобальная нехватка спроса, хотя объяснение причин такого явления различное, а нередко эти причины вообще глубоко не анализируются.

Из теоретических положений особое внимание привлекает начавшаяся активная критика центрального тезиса в теориях экономического либерализма о действующем во всех случаях автоматическом саморегулировании рыночной системы, делающем ненужным активное вмешательство государства в экономику, «поскольку рынок делает все лучше, чем государство». «Сегодня, уже после того, как крах произошел, почти все заявляют, что регулирование необходимо; по крайней мере подобные утверждения мы теперь слышим гораздо чаще, чем до кризиса»². Эти слова нобелевского лауреата Д. Стиглица из его последней книги говорят о начавшемся процессе отхода от безусловного доминирования либерализма в экономике и политике, установившегося после прихода к власти М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в США. В экономической теории и практике последних лет это является важнейшим изменением, хотя большинство сторонников дерегулирования пока еще не собираются отказываться от своих позиций.

Поскольку, по всеобщему убеждению, центральная роль в мировых кризисных и посткризисных процессах несомненно принадлежит финансовым факторам, все ученые и политики обращают на них особое внимание, но, разумеется, объяснение их роли различается у экономистов и практических политиков, в зависимости от теоретической ориентации и конкретных условий, сложившихся в различных странах. Стало очевидным, что безудержное расширение финансовой сферы, изобретение все новых финансовых инструментов, создававших иллюзию стабильности у банков и вкладчиков, лежит в основе многих кризисных процессов, хотя конкретный механизм воздействия разбухания денежной сферы на экономику и представления о необходимых контрмерах в политике существенно различались. Одни предлагали разрубить гордиев узел проблем мечом, другие рассчитывали решать проблемы лечением, убирая очевидные несоответствия, но оставляя всю конструкцию в целости. Многие указывают на такие факторы, как «жадность банкиров», на чрезмерную секьюритизацию компаний и несбалансированность американской экономики — привычку многих жить не по средствам, «залезая в будущие доходы».

Еще один аспект, который нашел особую поддержку во многих международных организациях, — необходимость существенного усиления глобального экономического регулирования. Глобализация и интенсифика-

² Стиглиц Д. Крутое пике. М.: ЭКСМО, 2011. С. 41.

ция международных экономических отношений потребовали повышения уровня согласования экономической политики, прежде всего ведущих стран. Но это наталкивалось на различие национальных интересов, на нежелание руководства большинства государств передавать свои управленческие полномочия на наднациональный уровень из-за опасений, что принимаемые на этом уровне решения будут отвечать преимущественно интересам других стран. Руководство ооновских организаций указывает на то, что именно ООН при всех своих недостатках является наиболее подходящей системой для выполнения данных функций в связи с глобальным характером своей деятельности, традициями постоянных поисков компромиссов, большим и разнообразным опытом работы. Однако руководство большинства стран пока не проявляет особого желания идти по этому пути.

Для нас основная цель данной публикации заключается в попытке выявить главные новые факторы, влияющие на характер развития рыночной экономики, включая циклические аспекты, и соответственно — на общие перспективы ее развития.

Факторы, определяющие новый механизм экономического развития

Инфляция изменила циклический характер движения цен. Большую часть времени существования рыночной экономики как доминирующей системы, а именно до эпохи, начавшейся после окончания Второй мировой войны, цены всегда падали в фазе кризиса, и это явление, с одной стороны, усугубляло течение кризиса, но с другой — облегчало выход из него. При более низком уровне цен увеличивался спрос и удешевлялось обновление основного капитала, что давало толчок выходу из кризиса, хотя одновременно падение цен осложняло процесс воспроизводства и нередко приводило к банкротству предприятий. Отсутствие существенного падения цен является принципиальным изменением в базисном механизме развития рыночной экономики, прежде всего в циклическом характере ее движения.

Общее падение цен в течение хотя бы нескольких кварталов года практически исчезло как значимый феномен экономического развития уже после 1950-х годов. Правда, общее падение годового индекса цен (в качестве главного показателя, как правило, используется индекс потребительских цен) впервые за послевоенный период появилось в 2009 году в ряде развитых стран в фазе последнего мирового финансово-экономического кризиса, но это падение было весьма скромным (как правило, в пределах 1—2 процентов в год), неустойчивым и большинство стран не затронуло. Конечно, падение цен на индивидуальные товары и на отдельные отраслевые индексы цен сохранилось. Это прежде всего касалось цен на топливо, сырье и продовольствие, а также на электронику, где отмечались достаточно значительные колебания цен, но на данные товарные группы приходится меньшая часть товарной массы. Главный фактор снижения цен на электронику, а также на ряд химических товаров — быстрый научно-технический прогресс в этих областях, который нередко перевешивал влияние инфляционных факторов.

Эти явления породили еще один важный феномен в механизме воспроизводства: они изменили и затруднили процесс переноса результатов научно-технического прогресса из областей, где он имел место, на другие производства и отрасли. Раньше этот перенос действовал в том числе с помощью удешевления продукции, затронутой научно-техническим прогрессом, что снижало издержки производства в смежных отраслях и облегчало поддержание потребительских расходов населения. Когда общее снижение цен исчезло, механизм переноса технического прогресса стал более сложным и длительным. Вместо снижения цен эффект переноса возникал из-за различных темпов повышения цен на отдельные виды продукции. По нашему мнению, это стало одним из факторов общего замедления научно-технического прогресса в рыночной экономике в настоящее время.

Резко уменьшились кредитные лимиты в процессе воспроизводства и ограничения на рост других составных частей денежной массы. Особенно это типично для США в связи с ролью доллара как ключевой (резервной плюс расчетной) мировой валюты. Условно говоря, Федеральная резервная система США может «напечатать» столько долларов, сколько нужно. (Конечно, речь идет не только о наличных деньгах.) Кредитная политика, как известно, — один из важнейших инструментов борьбы с кризисом. Первое, с чего началась антикризисная политика в большинстве стран, — накачивание банковской системы деньгами. На это были потрачены сотни миллиардов и даже триллионы долларов. В частности, в США в соответствии с аудитом, проведенным конгрессом США, в американскую, а также в мировую экономику через Федеральную резервную систему было вброшено примерно два триллиона долларов в течение 2007—2010 годов. Было принято решение, что в случае необходимости денежная масса может быть расширена на 16 триллионов долларов³. Кредитные учреждения Китая и России получили от государства в период кризиса примерно по 600 миллиардов долларов. Конечно, деньги достались не всем. Кое-кто даже из «великих» разорился (например, «Lehman Brothers», а также ипотечные гиганты «Fannie Mae» и «Freddie Mac»), уже не говоря о «мелочи».

Так или иначе, но исчез всеобщий дефицит денег, типичный для фазы кризиса в прежние времена. Дефицит остался для некоторых, менее «привилегированных» компаний. К тому же политика учетных ставок центральных банков — также один из важнейших инструментов антикризисной политики — была вообще удивительной: ставка рефинансирования ЦБ нередко устанавливалась на невероятно низком уровне, близком к нулю. В Японии она вообще была нулевой в течение некоторого времени. Одним словом — бери кредитов столько, сколько душа захочет! Кажется, что в этих условиях о каком кризисе перепроизводства может идти речь? Ведь кризис перепроизводства — а именно о нем идет речь — всегда означал, что товаров и услуг на рынке слишком много по сравнению с платежеспособным спросом, представленным прежде всего объемом денежной массы. Отсюда и затруднения со сбытом, и все, что с этим связано. Сейчас же лимиты роста денежной массы стали носить условный характер, хотя сторонники монетаризма с их трепетным отношением к контролю за денежной массой по-

³ См. Катасонов В. Держатели долларов рискуют оказаться владельцами кучи макулатуры // Аргументы и факты. 30.01.2013. С. 20.

прежнему занимают весьма прочные позиции в структурах экономической власти большинства развитых стран.

Однако реакция экономики на сверхнизкие процентные ставки была удивительной: никакого заметного оживления инвестиционной активности не наблюдалось в затронутых данными процессами странах. Это важное обстоятельство, которое свидетельствует о принципиальных изменениях в эффективности различных инструментов антикризисной политики в последнем периоде развития.

Россия здесь является исключением. Некоторое снижение учетных ставок в стране также произошло, но их общий уровень по-прежнему является высоким и безусловно оказывает серьезное сдерживающее влияние на капиталовложения. Можно ожидать, что в случае существенного снижения стоимости кредита в России, пусть даже не до экстремального «европейско-японского» уровня 2009—2010-х годов, инвестиционная активность в стране намного бы выросла.

Возникло явное противоречие между уровнем интернационализации мировой экономики и преимущественно национальным характером антициклической политики, о чем уже упоминалось ранее. Это особенно характерно для двух крупнейших экономик мира: США и Китая. Даже в ЕС механизм единой антициклической политики не полностью согласован и отработан. Международный валютный фонд и Мировой банк не имеют достаточных полномочий, чтобы претендовать на выработку главных обязательных направлений мировой финансово-экономической политики, а если бы такие полномочия у них и были, вряд ли их можно было бы широко использовать в условиях, когда существует серьезное расхождение в интересах ряда ведущих мировых держав и соответственно в том, какой должна быть такая политика. По-видимому, в принципе было бы возможным достижение больших договоренностей о гармонизации мировой экономической политики на международном уровне, чем это наблюдается в настоящее время, хотя определенное согласование политики (явно недостаточное) имело место. К этому подталкивают очевидные общие негативные последствия из-за несогласованности экономической политики многих стран. Но существующие противоречия между государствами ставят весьма узкие рамки таким договоренностям. Положение, очевидно, могло бы измениться в случае, если бы возник новый, еще более глубокий и разрушительный мировой экономический кризис, который заставил бы пойти на более серьезные договоренности.

Сильнейший рост государственной задолженности в большинстве стран. Лидером здесь является Япония, где государственный долг превысил 200 процентов от ВВП страны; в США он превысил отметку в 100; в странах ЕС он колеблется в пределах 60—80, уже не говоря о Греции, Испании и Португалии — главных кандидатах на дефолт, где этот уровень приближается к 130—150 процентам ВВП.

Задолженность накапливалась постепенно, но после масштабных госрасходов на борьбу с кризисом в 2008—2009 годах государственная задолженность повсеместно вышла на уровень, вызвавший всеобщую озабоченность, а кое-где (в Европе) — даже панику. Начались массовые ограничения государственных расходов и попытки в других формах уменьшить рост госдолгов.

Пока не очень ясно, какими будут успехи по ограничению роста государственной задолженности, но очевидно одно: такая политика весьма сильно уменьшит антикризисные потенции государства в будущем. *Похоже, что укрепление финансовой стабильности, которая ныне сделана приоритетом экономической политики, будет достигаться за счет снижения темпов экономического роста и уменьшения иммунитета от кризисов.*

Если даже стагнация экономики заставит отойти от жесткой финансовой смирительной рубашки, то неизбежным следствием этого станет усиление инфляции, симптомы чего уже появились с 2012 года. Старая дилемма, которая уже давно была сформулирована американским экономистом Хансеном: «Сцилла кризиса или Харибда инфляции», будет становиться все более актуальной.

Как следует оценить баланс влияния ТНК и конкуренции на процесс рыночного воспроизводства на современном этапе и соответственно — на циклический характер экономического развития? Как известно, конкуренция — главный генератор научно-технического прогресса в рыночной экономике. Лишенная конкуренции, рыночная система неизбежно теряет большую часть своей эффективности. Поэтому В. И. Ленин в начале XX столетия пришел к выводу о переходе капитализма к своей завершающей фазе — эпохе монополистического капитализма на основе установившегося господства крупных компаний, которые он назвал монополиями, что привело к ослаблению конкуренции. Эта эпоха, по его мнению, должна была завершиться относительно скоро социалистическими революциями.

Как показало последующее развитие, Ленин поторопился. Во-первых, в большинстве случаев крупные компании не превращались в монополии. Это, как правило, были олигополии, то есть доминирование нескольких крупных компаний, между которыми существовала конкуренция («монополистическая конкуренция»), хотя и в измененном виде. Во-вторых, сохранились широкие слои мелких и средних предприятий, обычно зависимых от крупных, но не терявших своих базисных «рыночных добродетелей». В-третьих, усилилась международная конкуренция с «соратниками по оружию» — транснациональными корпорациями из других стран. Таким образом, конкуренция сохранилась, но она видоизменилась, хотя на некоторых рынках действительно ослабла.

Как показала история, научно-технический прогресс продолжался и после того, как уже с последней четверти XIX столетия тенденции к монополизации в экономике стали очевидными. Но количественные и качественные изменения в системе накапливались. Глобализация способствовала резкому усилению концентрации капитала и производства, вовлечению буквально всех стран в систему мирового хозяйства, ставшую единой после краха мировой соцсистемы, расширению масштабов и влияния ТНК. Они стали распоряжаться гигантскими средствами в сотни миллиардов и триллионы долларов и воздействовать в сильной степени на политику правительств многих стран. Завершился процесс экстенсивного расширения мирового хозяйства в результате вовлечения в систему бывших социалистических государств и оставшихся «неохваченными» ранее развивающихся стран. Позитивный рыночный эффект такого расширения к настоящему моменту оказался в основном исчерпанным. Все это не могло не подействовать на

циклическое и воспроизводственное развитие отдельных стран и мирового хозяйства в целом. Циклические процессы все больше синхронизировались; периферия мирового хозяйства перестала светить только «отраженным светом» от ее развитого ядра и частично приобрела самостоятельные системообразующие функции.

Факторы, поддерживающие существование и развитие мировой рыночной экономики

Переход развитых стран к новому, уже шестому, технологическому укладу. Одним из главных сторонников такого подхода в России является академик Глазьев. Суть этого подхода состоит в том, что центр тяжести мирового экономического развития смещается в направлении медицины, биологии, борьбы с дефицитом и удорожанием энергии, экономии и создании новых материалов как реакция на обостряющийся ресурсный кризис. Мировой продовольственный кризис недопроизводства, который обозначился относительно недавно, должен способствовать появлению новых, более продуктивных сортов сельскохозяйственных растений и животных, новой сельскохозяйственной техники и технологий, активизации научных исследований в этих областях. По-видимому, ослабеет борьба против генно-модифицированного продовольствия, которая весьма активна в Европе, Японии и России. Голод и недоедание заставят многих изменить позицию.

Подход сторонников перехода наиболее развитых стран к новому технологическому укладу — в конце концов наиболее оптимистический для мировой рыночной системы в целом. Фактически признается, что сбои в функционировании этой системы преходящи, и они аналогичны той картине, которая уже неоднократно возникала в ходе развития рыночной экономики в Европе, США и Японии. Утверждается, что в настоящее время экономика оказалась в нисходящей фазе длительного («кондратьевско-го») цикла. Придет время и понижательная фаза сменится повышательной, и «все вернется на круги своя». Главное для России — вовремя «оседлать» факторы движения к новому технологическому циклу, «чтобы не отстать в очередной раз». Никаких фундаментальных изменений в механизме капиталистического воспроизводства, которые бы сигнализировали об исчерпании рыночной системой потенций развития, при таком подходе не наблюдается.

Какое влияние окажет смещение центра мирового экономического развития из нынешнего ядра мировой экономической системы в «возвышающиеся» государства, прежде всего в Китай, Индию, Бразилию, «азиатские тигры»? Многие рассматривают эти процессы как главную мину под всю нынешнюю мировую экономическую систему, предсказывая различные катаклизмы вплоть до военной конфронтации, прежде всего по линии «США — Китай».

Конечно, трудно предвидеть, что произойдет в переменчивой политической сфере. Раньше такие ситуации всегда заканчивались «большим мордобоем». Но не будем сейчас спекулировать на эту тему — все же ситуация в мире изменилась с появлением ядерного оружия, что внушает определенную надежду на большую осмотрительность политического

руководства. Ведь насколько сильны были противоречия между Советским Союзом и США после Второй мировой войны, но до фронтального столкновения дело не дошло. Уж больно страшными стали бы последствия таких конфликтов. Для многих на Западе превращение ряда стран бывшего третьего мира в локомотив мирового развития затмевает собою все остальное. Другие аспекты их волнуют гораздо меньше. Для тех, кто привык к военно-политическому и экономическому доминированию Запада в мире в течение последних примерно 500 лет, любые фундаментальные подвижки в этой области выглядят как катастрофа. Однако в данном случае нас гораздо больше волнует влияние бурного роста производительных сил в ряде развивающихся стран на исторические судьбы рыночной экономики как социально-экономической системы, чем проблемы соотношения сил в рамках этой системы.

На наш взгляд, *выдвижение указанных стран на авансцену мировой экономики является главным стратегическим резервом дальнейшего существования и развития мировой рыночной системы.* Некоторые из этих стран, уже не говоря о бывшем третьем мире в целом, еще только становятся относительно развитыми рыночными экономиками. Потенции рыночной системы в этой группе стран выглядят, как нам кажется, еще явно неизрасходованными. Если пороки общества потребления уже в достаточной степени прояви-

Тот факт, что мировая экономика физически не в состоянии выдержать уровень потребления развитых стран для всех нынешних 7 миллиардов населения Земли, к тому же продолжающих расти, не имеет решающего значения для состояния менталитета населения развивающихся стран. Невозможность такого развития в целом должна еще выявиться, на что уйдет не один десяток лет.

лись в странах «золотого миллиарда» и исторические пределы этого пути развития становятся все более очевидными, то в сознании населения развивающихся государств, большинство которого относится к «обществу недопотребления», плюсы общества потребления, которое ассоциируется с развитыми рыночными экономиками, безусловно превалируют над минусами.

Тот факт, что мировая экономика физически не в состоянии выдержать уровень потребления развитых стран для всех нынешних 7 миллиардов населения Земли, к тому же продолжающих расти, не имеет решающего значения для состояния менталитета населения развивающихся стран. Невозможность такого развития в целом должна еще выявиться, на что уйдет

не один десяток лет, тем более что для ряда государств это уже становится возможностью.

Возникает вопрос: в какой мере ускоренное развитие ряда стран этой группы государств может стать фактором укрепления мировой рыночной экономики? Ведь рыночная экономика в развивающихся странах очень часто отличается от стандартов развитых стран. Следует ли ожидать, что она постепенно «дозреет до образа и подобия» системы, ныне доминирующей в развитом мире, или она все же будет эволюционировать в направлении, отличном от этих рыночных стандартов, что не даст основания для сделанного ранее вывода о том, что выдвигание ряда развивающихся стран в качестве лидеров мирового экономического развития в конечном счете укрепит фундамент рыночной экономики как мировой социально-экономической системы?

Особого разговора здесь заслуживает Китай — страна с самым успешным экономическим развитием в мире за последние три десятилетия, самая населенная и весьма влиятельная по потенциалу воздействия своего «демонстрационного эффекта» на другие страны. По оценкам большинства специалистов, Китай скорее всего выйдет на первое место в мире по общему объему валового продукта к середине 2020-х годов или немного позже. Все это придает китайскому феномену исключительное значение. Как следует расценить китайский эксперимент?

Идеологическая борьба вокруг оценок китайской модели развития в последние годы идет с нарастающей жесточенностью, поскольку ставки очень высоки. Если китайская модель в конечном счете окажется одним из вариантов рыночной экономики — это чрезвычайно усилит общий потенциал рыночной экономики во всем мире; если же китайская модель будет чем-то другим, может быть искомой многими конвергентной социально-экономической моделью, — картина будет принципиально иной. Значительная часть экономистов и особенно политиков во многих странах стремятся представить китайскую модель как своеобразный путь Китая к рыночной экономике. Конечно, в настоящее время отличий от нормальной рыночной экономики немало, говорят они, но это все — издержки переходного периода. Трудно ожидать, что такая огромная и во многом уникальная махина, как китайская экономика и общество в целом, быстро приобретет характеристики нормального рыночного механизма. Но со временем, может быть даже достаточно продолжительным, основная часть различий исчезнет, и китайская экономика превратится в «добропорядочную» капиталистическую (будем называть вещи своими именами) рыночную экономику.

Пожалуй, одним из наиболее ярких примеров утверждений о том, что китайская экономическая модель уже сейчас вполне рыночная, служит статья Илларионова, посвященная экономическому развитию Китая, в журнале «Вопросы экономики» в бытность его экономическим советником президента России⁴. Хотя с момента ее опубликования прошло уже немало времени, используемая автором аргументация типична для сторонников этой позиции. Илларионов сравнивает рыночные реформы в России и Китае,

⁴ См. Илларионов А. Секрет китайского экономического «чуда» // Вопросы экономики. 1998. № 4.

отдавая безусловный приоритет в этой области Китаю. Именно последовательная «рыночность» китайских реформ, по его мнению, и является главным фактором китайских успехов, а недостаточная рыночность российских реформ — главной причиной ее проблем и неудач. Не вдаваясь в детальный разбор уровня рыночности китайской экономики — это отдельная, очень большая проблема, хотелось бы задать А. Илларионову такой вопрос: стран с гораздо более рыночной экономикой, чем китайская, огромное количество. Почему же никто из них даже близко не демонстрирует таких же впечатляющих успехов, как Китай? Значит, дело не только в этом.

По нашему мнению, *китайская социально-экономическая модель — это не исправленный и приспособленный к китайским условиям вариант советской модели (на что тайно надеются немало российских коммунистов) и не промежуточный продукт рыночной экономики (как это представляется многим рыночным фундаменталистам), а самостоятельный, особый путь развития, который объединяет в себе черты рыночной экономики и некоторые несущие конструкции советской плановой системы, имея также свои, только ему присущие качества.* Сами китайцы считают ее «социалистической рыночной экономикой» или «социалистической экономикой с китайской спецификой». Поскольку проблем с рыночным содержанием китайской модели обычно не возникает, рыночные элементы очевидны и, что называется, видны невооруженным глазом, остановимся на том, что ее отличает, причем речь пойдет об отличиях фундаментального характера.

Главными такими отличиями, на наш взгляд, являются роль компартии в китайском экономическом и политическом механизме и сохраняющиеся определенные функции планирования в разных формах. Наибольшее значение имеют экономические функции компартии. Они весьма велики даже на частных предприятиях, уже не говоря о частногосударственных и государственных предприятиях. Последние две категории играют ведущую роль в Китае. Партийно-государственные власти фактически имеют очень широкие возможности вмешательства в работу предприятий всех форм собственности, вплоть до прямой подмены управленческих функций на предприятии. Особенно это касается смены руководства и определения направления развития предприятия⁵. Напоминаем, что речь идет не только о государственных или частногосударственных предприятиях, но и о частных.

Можно ли тем самым утверждать, что нынешняя китайская экономическая система представляет собой один из вариантов советского «партийного государства» в том смысле, что фундаментальной особенностью советской системы было параллельное существование партийной системы, дублировавшей государственные органы власти по своей структуре и выполнявшей функции государственного управления? При этом полномочия партийных органов в целом доминировали над государственными структурами. Именно в этом смысле такую систему можно назвать «партийным государством». Ни в каких других бывших социалистических странах, кроме Китая и ча-

⁵ См. об этом монографию британского журналиста и политолога Ричарда МакГрегора: **McGregor R.** The Party. L: Penguin Books, 2011 [рус. пер.: **МакГрегор Р.** Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая. М.: ЭКСМО, 2011].

стично Вьетнама, не наблюдалось столь всеобъемлющего превращения органов компартии в органы прямого госуправления, включая низовой уровень.

Подобные уникальные системы государственного управления, действовавшие десятилетиями, а в Китае — и по сей день, не могли бы существовать, если бы они не обеспечивали достижение определенных важнейших целей развития страны и общества в определенные периоды. Такой главной целью было достижение резкого ускорения развития экономики, ее уравнивание, а в дальнейшем — и опережение в уровнях социально-экономического развития с передовыми капиталистическими державами. Это осуществлялось на новой социально-экономической основе и с введением нового экономического механизма: национализации основных средств производства и введения директивного планирования как его центральных элементов. Прежде всего к этим элементам и было приковано внимание исследователей, идеологов и политиков, занимавшихся обоснованием преимуществ или критикой «капитализма» и «социализма». Роль советской и китайской компартий, конечно, анализировалась, но в основном через призму их функционирования как «руководящая и направляющая сила» в государстве, а не как ведущее звено механизма государственного управления. А это — не одно и то же.

Партийные идеологи в Советском Союзе также не стремились привлечь внимание к данному аспекту государственной системы, поскольку это сразу же порождало обвинения в ее недемократичности. Ведь согласно всем политологическим канонам органы государственной власти в претендующем на демократизм государстве должны избираться всем народом (пусть с небольшими исключениями), а партийные органы — только членами определенной партии, то есть частью народа, причем его идеологически однородной частью. Это также способствовало тому, что данный аспект государственной системы не получил должного научного анализа и оценки ни в СССР, ни в Китае, ни в западных странах, где государственное право рассматривало подобные системы как абсолютно недопустимые, как дополнительное доказательство ее недемократичности. (Зачем тогда энергию зря тратить на какие-то еще доказательства и — так все ясно!)

Какие преимущества имеет «партийное государство» для достижения поставленных целей? Во-первых, такая система обеспечивает очень высокую концентрацию политической и идеологической власти в руках руководства страны, что облегчает всеобъемлющую и быструю мобилизацию сил и средств на избранных направлениях и облегчает борьбу с несогласными. Во-вторых, она гарантирует высокую мобильность и сменяемость кадров в случае необходимости. Принятие кадровых решений в партийных органах в меньшей степени связано с необходимостью соблюдения определенных правил и процедур, типичных для госслужбы, менее прозрачно для окружающих по большинству решений, оно более оперативно и больше привязано к решениям партийных, чем государственных органов, что обеспечивает повышение управляемости всей системы со стороны руководства и дисциплину нижестоящих звеньев при соблюдении общей стратегии развития. Технология управления партийными собраниями — одно из звеньев, временами выпадавшее из системы контроля, — была отработана достаточно хорошо, хотя она временами давала сбои. Идеологические разногласия

и споры подавляются или ограничиваются очень узкими рамками разборок внутри высших звеньев партийно-государственного руководства, непрозрачных для общества, включая партийную массу.

Таким образом, у системы управления возникают качества, характерные для армии на поле боя: ясная цель — достижение победы, полная концентрация власти в руках командира и дисциплина исполнения у подчиненных. Такая система наиболее эффективна для армии. Никто демократию вводить в армии, по понятным причинам, не собирается. (Впрочем, большевики сразу после Октябрьской революции ввели в армии должность политрука, который мог отменить распоряжение командира части, если оно было «явно вредительское». От этой новации пришлось очень быстро отказаться, поскольку военные части становились небоеспособными.)

Еще один их вариантов, встречавшихся в истории, — необходимость строительства огромных оросительных систем, без которых сама жизнь в определенных регионах была невозможна, строительство пирамид или чего-нибудь вроде Великой китайской стены. Для достижения подобных целей требовалось создание общественных «мегамашин», компенсировавших недостаточную научно-техническую вооруженность государств за счет сверхконцентрации сил и средств. Необходимые условия для эффективности такой системы — высокая идеологизированность всего общества и его согласие, по крайней мере большинства, с выдвинутыми главными целями развития и механизмом госуправления. Достижение поставленных долгосрочных целей требует от населения постоянных жертв ради «светлого будущего»; с этим не все согласны, а часть людей в принципе не согласна и с самими целями или путями их достижения. Все это порождает высокий уровень государственного насилия, чтобы преодолевать сопротивление

Но общество — не армия, и жизнь, к счастью, — не всегда война или строительство грандиозных пирамид. У подобных систем имеются свои трудно излечимые недостатки. Во-первых, их эффективность очень зависит от качества руководства — прежде всего от лидера, в руках которого концентрируется огромная власть. В то же время механизм отбора и продвижения руководящих кадров, лишенный публичности и необходимой конкурентности, сильно подвержен влиянию случайных и субъективных факторов — как это нередко бывает, например, при монархической и аристократической формах правления. Во-вторых, система плохо работает при смене харизматических лидеров и главной цели развития. Такая потребность неизбежно возникает, и отсутствие должной публичности и конкурентности механизма отбора препятствует выработке новой центральной и поддерживаемой большинством цели развития и появлению лидеров, адекватных новым условиям. И в-третьих, со временем население устаёт жить в условиях постоянного идеологического и организационного пресса, необходимости жертвовать настоящим ради «светлого будущего», особенно, когда усиливаются сомнения, что оно действительно будет светлым. Повышенный уровень государственного принуждения, присущий подобным системам, все больше начинает утомлять и раздражать людей даже при общих успехах развития, а тем более, когда особых успехов нет. Энтузиазм уходит, вместе с ним уходит и динамизм. Начинается кризис системы, успешный выход из которого отнюдь не гарантирован. В частности, Советский Союз рухнул под тяжестью аналогичных внутренних и внешних противоречий.

Наличие безусловного сходства между китайской и советской системами в этой ключевой области не вызывает сомнения — хотя различия, разумеется, имеются, и они существенны. Другие страны вряд ли смогут воспроизвести китайский или советский опыт создания «партийного государства», даже если бы кто-то этого очень захотел. Возникновение этих систем было следствием специфических исторических условий, сложившихся в обеих странах, глубоких всеохватывающих революций, безусловным лидером которых были компартии, их господством в обществе, распространившимся на функции непосредственного государственного управления. Такие политические системы могут быть только однопартийными (по существу, но не обязательно по форме).

Что касается директивного централизованного планирования в Китае, то ныне оно охватывает ограниченное число показателей. Однако достижение зафиксированных в планах целей с помощью имеющихся в распоряжении государства инструментов, прежде всего финансовых, осуществляется весьма последовательно и жестко. Пока Китай не собирается целиком отказываться от планирования, в том числе директивного, хотя общая тенденция к ограничению сферы его применения несомненна.

На наш взгляд, Китай вряд ли откажется в принципе от своей нынешней модели развития, которая принесла столь впечатляющие результаты, при том что частичные изменения и реформы обязательно будут. Зачем резать курицу, которая несет золотые яйца? Но если модель перестанет работать достаточно эффективным образом — а когда-нибудь она обязательно перестанет быть эффективной, — то принципиальные изменения станут неизбежными.

Однако будут ли означать эти изменения переход к новой социально-экономической модели, и какой эта модель будет — сейчас предсказать невозможно. Тем не менее высокая инерционность гигантского китайского общества, где и сейчас присутствуют элементы тысячелетней давности, говорит в пользу предположения, что принципиального разрыва с прошлым не будет. *Китайский феномен свидетельствует о неоднозначности возможных путей развития общества, о несводимости его только к альтернативе «капитализм» или «социализм».*

Какие же общие выводы можно сделать на основании анализа изложенных нами факторов развития?

Вряд ли в ближайшие годы можно ожидать существенных позитивных изменений в общем не очень благоприятном характере развития мировой экономики, который сложился после мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов. Скорее всего, по крайней мере в течение ближайшего десятилетия, он останется примерно таким же — с низкими темпами экономического роста, острыми финансовыми проблемами и высокой безработицей в наиболее развитой части мира. Китай, Индия, Бразилия и ряд других развивающиеся государства с «формирующимися рынками» останутся локомотивами роста с постепенным увеличением их экономического и политического значения. Вопрос о присоединении России к этой группе стран по критериям экономического развития будет зависеть в первую очередь от адекватности политики российского руководства. Возможности такого развития объективно имеются.

Анализ проблемы границ дальнейшего существования мировой рыночной системы в связи с исчерпанием потенциала ее развития на основании проявившихся в последнее время базисных недостатков не дает основания для подобных выводов. Такие перспективы пока не проглядываются — во всяком случае в обозримом будущем. Развитие рыночных механизмов в развивающемся мире «вширь и вглубь», возможности перехода к новому технологическому укладу в ядре мировой экономики создадут условия для общего повышательного тренда, хотя возврат к высоким темпам роста маловероятен. Что последует за этим временем «тощих коров», пока сказать невозможно. Найдутся ли какие-нибудь пути вдохнуть новую жизнь в уже изрядно потускневший имидж рыночной экономики, или это время станет прологом к переходу к принципиально новой системе — остается коренным вопросом мирового развития. Конечно, история показывает, что ни одна социально-экономическая система не является вечной. Все они со временем уходят, а в нынешнее «лихорадочное» время процессы резко ускоряются, становятся как бы спрессованными. С этим все согласны в теории — но мало кто соглашается на практике, когда речь заходит о существующих системах, которые нам «нравятся». Когда-нибудь уйдет и рыночная система. Но когда, как и что придет взамен? Вопросов больше, чем ответов. ◆